

Научная статья
УДК 340.1
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-41-45>

Инструментальная природа правосубъектности: системный подход к проблеме

Шигабутдинова Алина Леонидовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, alshigabutdinova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-6861-2498>

Аннотация. В статье предпринимается попытка применения принципов системного подхода к исследованию правосубъектности. Рассматривая правосубъектность как часть системы более высокого порядка — механизма правового регулирования, автор обосновывает ее инструментальную природу. Доказывается, что правосубъектность, являясь вспомогательным правовым средством, предваряет всякую правовую активность субъекта, создает принципиальную возможность участия в правовой жизни. В этом качестве правосубъектность опосредует и статику, и динамику правовой жизни. В статье показано, что инструментальные свойства правосубъектности носят интегративный, системный характер, возникая как результат системообразующих функциональных связей между правоспособностью и дееспособностью. Автор утверждает, что правоспособность и дееспособность, взятые обособленно, вне правосубъектности, самостоятельным инструментальным значением не обладают. Раскрывается структура правосубъектности, образованная связями функциональной субординации между правоспособностью как ведущим элементом правосубъектности и дееспособностью как элементом, обеспечивающим реализацию правоспособности.

Ключевые слова: правосубъектность, система, системный подход, правоспособность, дееспособность, правовое средство

Для цитирования: Шигабутдинова А. Л. Инструментальная природа правосубъектности: системный подход к проблеме // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 41–45. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-41-45>.

Original article

Instrumental nature of legal personality: systematic approach to the problem

Alina L. Shigabutdinova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, alshigabutdinova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-6861-2498>

Abstract. The article attempts to apply the principles of a systematic approach to the study of legal personality. Considering legal personality as part of a higher-order system — the mechanism of legal regulation, the author substantiates its instrumental nature. It is proved that legal personality, being an auxiliary legal means, precedes any legal activity of the subject, creates a fundamental opportunity to participate in legal life. In this capacity, legal

© Шигабутдинова А. Л., 2024

personality mediates both the statics and the dynamics of legal life. The article shows that the instrumental properties of legal personality are integrative, systemic in nature, arising as a result of system-forming functional connections between legal competence and the ability to act. The author argues that legal competence and the ability to act, taken separately, outside of the whole that unites them — legal personality — do not have an independent instrumental meaning. The present article reveals the structure of legal personality, formed by the links of functional subordination between legal competence as the leading elements of legal personality and the ability to act elements ensuring the realization of legal competence.

Keywords: legal personality, system, systematic approach, legal competence, ability to act, legal remedy

For citation: Shigabutdinova A. L. Instrumental nature of legal personality: systematic approach to the problem. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 41–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-41-45>.

Правосубъектность — категория, прочно установившаяся в отечественной правовой науке. Однако многочисленные публикации и обсуждения весьма рельефно показывают, что должного единства в ее понимании еще не достигнуто. Разброс точек зрения здесь весьма широк: правосубъектность рассматривается как специфическая юридическая возможность, качество или свойство субъекта права, правовое состояние, длящееся отношение между государством и лицом, правоотношение [1, с. 134; 2, с. 381; 3, с. 130; 8, с. 56; 10, с. 30]. В этом нет ничего удивительного. Правосубъектность — это сложный, многомерный правовой феномен, в качественном своеобразии сопряжены разные грани, уровни, аспекты. Как верно замечает В. Д. Первалов, правосубъектность, представляя собой целостное и сложное правовое явление, может обнаруживаться в различных проявлениях, каждое из которых нельзя рассматривать как единственное и абсолютизировать [8, с. 55].

Расхождения многочисленных определенных правосубъектности объясняются тем, что в каждом из них она рассматривается частично, односторонне, а не как целостная система. Поэтому разные трактовки правосубъектности на деле оказываются не столько друг друга опровергающими, сколько дополняющими друг друга. Однако объединить все эти специально-научные разработки в целостное представление о правосубъектности как таковой — инварианте, существующем во множестве конкретных проявлений — без единого концептуально-методологического стержня невозможно.

Преодолеть естественную для аналитического познания обособленность, разрозненность взглядов на природу правосубъектности способна принципиальная методологическая установка на ее системность.

Как указывал в этой связи Э. Г. Юдин, «если уже в исходной точке исследования ясно, что

объект может быть описан несколькими существенно различными путями, а каждая из его «частей» также требует своего особого изображения в знании, то понятно, что в конце исследования простое суммирование его разнообразных результатов не только не дает единой, цельной картины объекта, но приведет к путанице и противоречиям» [10, с. 132].

Системное представление о правосубъектности способно собрать это целое воедино и осмыслить его именно как целое, как сложную функциональную систему. При такой постановке проблемы правосубъектность рассматривается не сама по себе, «крупным планом», а как подсистема более обширной и сложной системы, в которой она находится, функционирует, развивается. Как отмечается в литературе, «системный подход предполагает движение исследовательской мысли от целого, к которому принадлежит изучаемый объект, к нему самому как необходимой и потому структурно-функционально детерминированной части этого целого» [5, с. 2].

Только так, отступив от изучаемого объекта на расстояние, необходимое для того, чтобы увидеть его в системе, в которой он существует, можно получить комплексное представление о его качественной определенности.

В этом смысле единственный эффективный путь познания природы правосубъектности — подход к ней извне, с точки зрения системы более высокого уровня — механизма правового регулирования, неотъемлемой частью которой она является и вне связи с которой не может быть понята.

С указанных методологических позиций очевидной становится инструментальная — прикладная — суть правосубъектности, которая чисто эмпирически, конечно, была хорошо известна и раньше, но теперь выступила как объект специального осмысления.

Правосубъектность, рассматриваемая как часть механизма правового регулирования,

есть специфическое правовое средство, сознательно используемое законодателем для достижения определенных социально-значимых целей. В этом смысле правосубъектность — это вспомогательный инструмент в большом арсенале средств правового регулирования. Ей принадлежит «служебная» по отношению к иным правовым средствам роль условия, предвещающего возникновение субъективных прав и обязанностей.

Понимаемое таким образом функциональное назначение правосубъектности обладает двойственностью, притом в весьма специфическом ее проявлении.

С одной стороны, правосубъектность опосредует статику правовой жизни, очерчивая круг лиц, интересы которых подлежат правовой защите и охране. Здесь регулятивный потенциал правосубъектности, ее инструментальная направленность состоит в установлении субъектных границ правового воздействия. Закрепляя абстрактную возможность правообладания и правоосуществления, она дает субъекту общий доступ к удовлетворению потребностей интересов в правовом пространстве.

По выражению С. И. Архипова, «правосубъектность — это тот ключ, с помощью которого можно открыть для лица многие правовые двери к осуществлению его правовых интересов» [3, с. 137].

Иными словами, правосубъектность, формируя систему субъектов права, позволяет направить развитие правовых отношений по пути, отвечающему интересам общества и государства. Как указывается, правосубъектность придается людям и организациям законом в соответствии с потребностями развития общественных отношений [7, с. 5]. Однако система субъектов права — это не точный слепок с социальной структурой общества, буквально воспроизводящий ее состав, а создаваемый признанием правосубъектности инструмент в механизме реализации правовой политики. Признавая или не признавая правосубъектность тех или иных участников общественных отношений, сужая или расширяя ее объем, государство тем самым воздействует на активность развития той или иной сферы общественных отношений.

Вторым проявлением функционального назначения правосубъектности является опосредование динамики правовой жизни. Будучи исходным формально-юридическим свойством субъекта, она дает ему реальную возможность правообладания и

правоосуществления в конкретном правореализационном процессе и задает правовые границы такого участия. С этой точки зрения правосубъектность приобретает утилитарную нагрузку, действуя в комплексе правовых средств, обеспечивающих удовлетворение индивидуальных потребностей.

Системное познание, ориентируясь на целостное восприятие правосубъектности, позволяет методологически точно решить давний вопрос о ее компонентном составе. Вопрос этот, относясь к числу наиболее сложных аспектов правосубъектности, до сих пор является предметом дискуссии.

Системный подход к вычленению элементов правосубъектности исходит из критерия их необходимости и достаточности для ее существования как особого правового средства, отходя тем самым от чисто эмпирического, а потому случайного выделения в ней тех или иных элементов.

Элементы правосубъектности выводятся из ее специфического, двойственного по своей природе функционального назначения. Так, статика в функционировании правосубъектности как правового средства, то есть задача создания общей предпосылки участия в правовой жизни, реализуется правоспособностью, которая в этом смысле оказывается статическим элементом правосубъектности, закрепляющим абстрактную возможность правообладания в той или иной сфере общественных отношений. Динамическая же составляющая в инструментальной роли правосубъектности, связанная с установлением возможности участия в конкретных правоотношениях, обеспечивается дееспособностью (и деликтоспособностью в тех случаях, когда речь идет о применении к лицу санкции нормы права).

Критерий необходимости и достаточности позволяет исключить из состава правосубъектности те элементы, которые нередко произвольно включаются в ее состав (общие права и обязанности, вытекающие для лица непосредственно из закона, конкретные субъективные права и обязанности). Эти правовые явления, несомненно, играя важную роль в функционировании правосубъектности, не принимают тем не менее непосредственного участия в формировании ее качественной определенности как особого правового средства.

Главный вывод, следующий из вышеизложенных рассуждений, состоит в том, что правосубъектность — целостное образование, инструментальный потенциал которого рождается

в результате взаимодействия составляющих его элементов и не сводятся к свойствам последних. Функционирование правосубъектности как особого правового средства является результатом скоординированного, совместного действия ее статического и динамического элемента. Ни правоспособность как статическая составляющая правосубъектности, ни дееспособность как ее динамический элемент изолированно не являются самостоятельными правовыми средствами и равной по значению функциональной нагрузки в механизме правового регулирования не несут. В правосубъектности, как видно, отчетливо обнаруживается действие одной из главных системных закономерностей — эмерджентности — появление у целого свойств, отсутствующих у отдельно взятых его частей [6, с. 67].

Специфика правосубъектности как правового средства заключается в ее способности создавать возможность правообладания и правоосуществления, то есть предварять всякую правовую активность субъекта. Хотя это качество правосубъектности зависит от свойств конституирующих ее элементов, оно появляется лишь тогда, когда эти элементы объединяются в целое с присущей ему специфической структурой.

Иначе говоря, инструментальные свойства правосубъектности как специфического элемента механизма правового регулирования порождаются особого рода системообразующими связями правоспособности и дееспособности, поэтому, если мы хотим понять особенности инструментальных свойств правосубъектности, должны найти закон ее внутренней упорядоченности — установить характер связей, лежащих в основе ее целостности. Между тем при очевидно основополагающем значении понятия «связь» для любого системного исследования оно остается недостаточно разработанным в нашей философии. Решение вопроса о природе связей, порождающих качественную определенность правосубъектности как самостоятельного правового средства, значительно затрудняется отсутствием в науке общепринятой классификации системных взаимосвязей.

На сегодняшний день наиболее последовательная и строгая классификационная концепция была дана Э. Г. Юдиным в специальном исследовании, посвященном методологическим особенностям и познавательному потенциалу системного подхода. Введенный им классификационный ряд охватывает связи

взаимодействия, порождения, преобразования, строения, функционирования, развития и связи управления [10, с. 188–191].

Подходя к структуре правосубъектности с предложенных Э. Г. Юдиным методологических позиций, можно увидеть, что между правоспособностью и дееспособностью существует функциональная зависимость, приводящая к возникновению ее специфических инструментальных качеств.

Как отмечается в литературе, объекты, объединяемые связью функционирования, совместно осуществляют определенную функцию, причем эта функция может характеризовать либо один из этих объектов, либо более широкое целое, применительно к которому и имеет смысл функциональная связь данных объектов [10, с. 189].

В правосубъектности ясно обнаруживается функциональная зависимость как между отдельными компонентами данной системы, так и между компонентами и системой в целом [4, с. 133].

Следует заметить при этом, что правосубъектность представляет собой сложное многоуровневое системное образование, компоненты которого расположены не на одном уровне, а на двух и взаимосвязаны не «по горизонтали», а «по вертикали».

Ведущим элементом правосубъектности можно считать правоспособность, устанавливающую саму возможность участия лица в правовой жизни. Дееспособность же как бы «надстраивается» над правоспособностью, обеспечивая реализацию заданной ею возможности.

Это означает, что взаимосвязь, благодаря которой появляются инструментальные свойства правосубъектности, носит характер функциональной субординации между правоспособностью и дееспособностью, подразумевая согласование их функций по вертикали, подчиненность функции одного компонента другому [4, с. 134].

Подытоживая изложенное, следует сказать, что понимание правосубъектности как специфического правового средства дает возможность непротиворечиво объединить различные ее проявления в единой концепции. Свое инструментальное назначение в механизме правового регулирования правосубъектность выполняет, принимая форму исходного формально-юридического свойства субъекта права, содержанием которого является возможность быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей.

Список источников

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. Москва: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. Москва: Проспект, 2008. 576 с.
3. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.
4. Афанасьев В. Г. Системность и общество. Москва: ЛЕНАНД, 2018. 368 с.
5. Каган М. С. Избранные труды: в 7 томах. Т. V. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2008. 408 с.
6. Каган М. С. Избранные труды: в VII томах. Т. II. Теоретические проблемы философии. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2006. 660 с.
7. Мицкевич А. В. Субъекты советского права. Москва: Госюриздат, 1962. 212 с.
8. Перевалов В. Д. Вопросы теории социалистической правосубъектности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 3. С. 55–59.
9. Тарасова А. Е. Особенности участия несовершеннолетних в гражданских правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: 2006. 237 с.
10. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Москва: Наука, 1978. 391 с.

References

1. Aleksandrov N. G. Legality and legal relations in Soviet society. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p. (In Russ.)
2. Alekseev S. S. General theory of law: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2008. 576 p. (In Russ.)
3. Arkhipov S. I. Subject of law: theoretical research. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 469 p. (In Russ.)
4. Afanas'ev V. G. System and society. Moscow: LENAND Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)
5. Kagan M. S. Selected works in 7 volumes. Volume V. Problems of theoretical art and aesthetics. St. Petersburg: ID "Petropolis" Publ., 2008. 408 p. (In Russ.)
6. Kagan M. S. Selected works in VII volumes. Volume II. Theoretical problems of philosophy. St. Petersburg: ID "Petropolis" Publ., 2006. 660 p. (In Russ.)
7. Mitskevich A. V. Subjects of Soviet law. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1962. 212 p. (In Russ.)
8. Perevalov V. D. Questions of the theory of socialist legal personality. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*, 1980, no. 3, pp. 55–59. (In Russ.)
9. Tarasova A. E. Features of participation of minors in civil legal relations. Dissertation... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2006. 237 p. (In Russ.)
10. Yudin E. G. System approach and the principle of activity. Moscow: Nauka, 1978. 391 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Л. Шигабутдинова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

A. L. Shigabutdinova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.